

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Гудкова А.В., Малюкевич А.Е.

СЕРОГЛИНЯНАЯ КРУЖАЛЬНАЯ КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЙ НА ДНЕСТРОВСКОМ ЛИМАНЕ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ I ТЫС. Н. Э.)

Gudkova A.V., Malukevich A.E. Gray-clay potter's ceramics of the settlements on the Dniester estuary (the first quarter of the I m. A.D.)

The article is dedicated to the studying of the gray-clay pottery of the first half of the I m. A.D. in the Northern-Western Black Sea region. The authors have divided the ceramics into 2 different chronological and ethno-cultural groups:

- 1) the production of the antique potter's workshops in Tyras and Olbia that is the gray-clay ceramics of the late Scythian settlement of the neighborhood of these towns that was produced on the rural settlements;
- 2) the ceramics of the Chernyakhov culture made by Chernyakhov craftsmen. A clear distinction of these groups is important for they are viewed as rather similar.

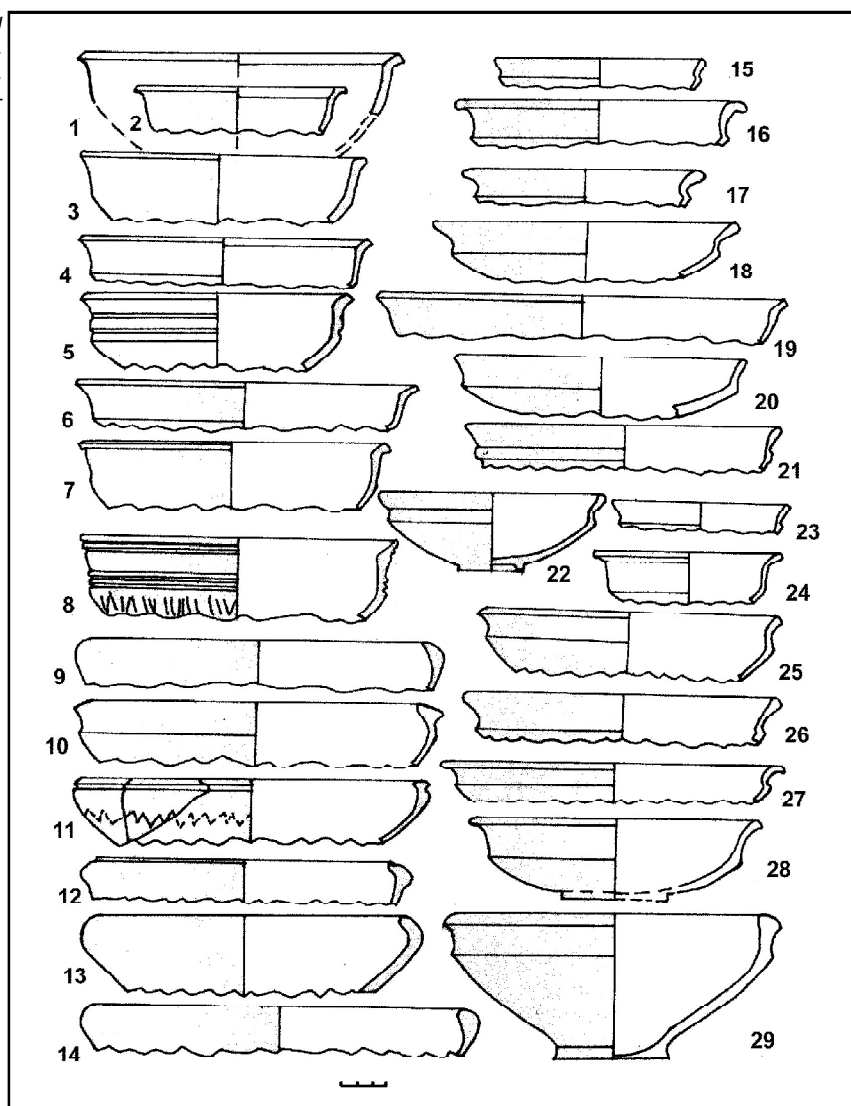
In the gray-clay pottery of the antique settlements of the Black Sea region the appearance of the ceramics of the Chernyakhov culture (by forms and by structure of the ceramic complex) is anticipated at the least by 150 years. This does not mean that this ceramics was the direct foundation of the formation of the Chernyakhov culture. Working out of the main features of the appearance of the ceramic complex that later became the Chernyakhov one started before the Chernyakhov culture was composed. The place where this process was taking place still should be found. Anyway, these were not the walls of the Northern-Western Black Sea region.

Углубленное изучение сероглиняной гончарной посуды первой половины I тыс. н. э. в Северо-Западном Причерноморье позволило разделить ее на разные хронологические и этно-культурные группы: это продукция античных гончарных мастерских в Тире и Ольвии, сероглиняная керамика позднескифского населения округи этих городов, очевидно, производившаяся на сельских поселениях, и керамика черняховской культуры, изготовленная черняховскими гончарами. Четкое разграничение этих групп важно, в частности, потому, что при поверхностном анализе (например, при работе с подъемным материалом в разведке) они воспринимаются как весьма сходные. Две первые группы этой керамики относятся к первой четверти I тыс. н.э., а третья — ко второй его четверти. Вторая группа была впервые выделена по материалам Козырского городища на хоре Ольвии (Гудкова 1992), которое имеет четкую стратиграфию в пределах первой половины I тыс. н.э. Это позволило в некоторой мере проследить эволюцию рассматриваемой керамики. На Козырке она составляла небольшую часть всего керамического комплекса. Ее изучение показало, что она, — с одной стороны, — не связана с гончарством

Ольвии и является привнесенной со стороны, а с другой, — что подобные материалы имеются и на других поселениях ольвийской хоры. В частности она выразительно представлена на городище Мыс (Буйских, Бураков: 85, 87, рис. 8, 9, 10) и на поселениях того же времени на сельской округе Тире. Все это заставляет воспринимать эту керамику как определенное новое явление.

Настоящая работа посвящена сероглиняной гончарной керамике поселений Молога II и Веселое III на Днестровском лимане. Привлекающей внимание особенностью этой посуды является то, что она появляется в Северо-Западном Причерноморье со стороны, а в последующее время ее основные формы и приемы отделки поверхности становятся характерными для черняховской культуры. Это заставило провести сравнение рассматриваемого материала как с синхронной сероглиняной продукцией гончарных мастерских Тире и Ольвии, так и с черняховской керамикой. В количественном отношении коллекции Мологи и Веселого не равнозначны, так как Молога раскапывалась много лет, начиная с 1975 г., а Веселое — только один сезон. Поэтому статистические сопоставления не производятся.

Рис. 1. Открытые и закрытые миски. Веселое — 1-18, 20, 21, 24-28. Молога — 19, 22, 23, 29.

МИСКИ

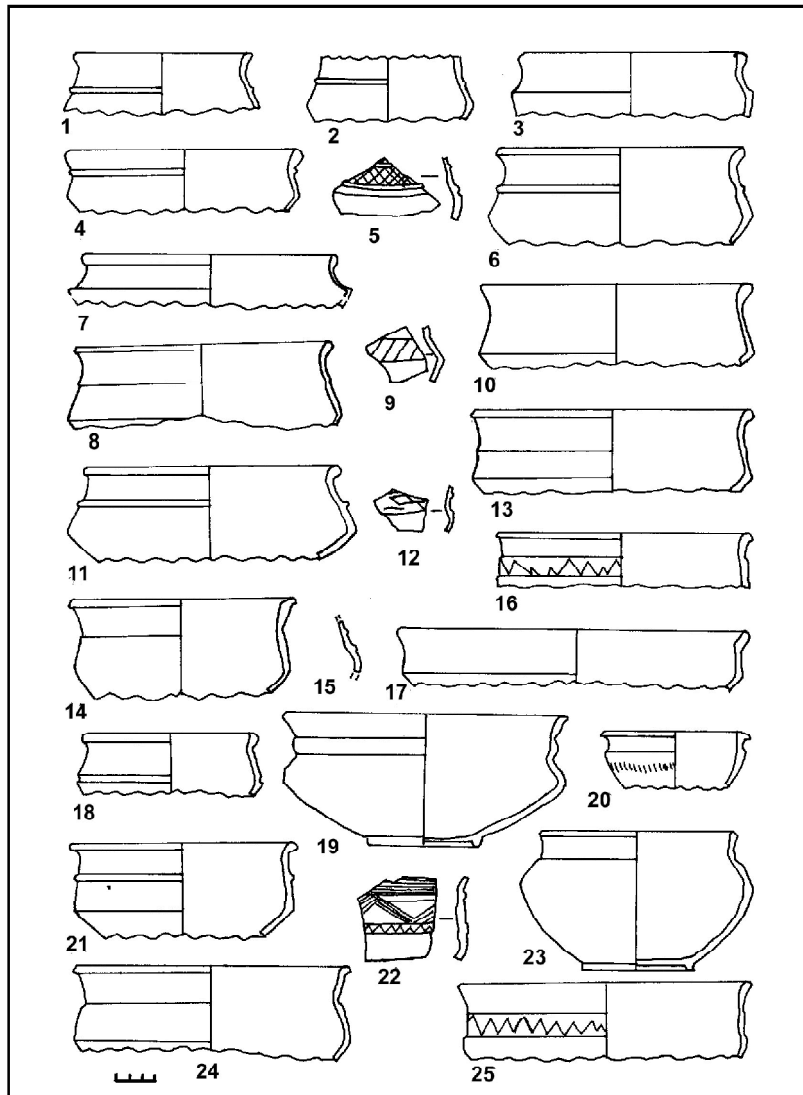
Tun I. Сосуды округлой формы в основном с загнутым внутрь краем, близкие по форме сегменту шара (рис. 1, 9-14). Профилировка венчика варьирует. Диаметр устья от 22 до 28 см. Миски снаружи лощеные сплошь или только в верхней части. Изредка имеется пролощенный орнамент (рис. 1, 11). На обоих поселениях они присутствуют в небольшом количестве. Эта форма хорошо представлена на Козырском городище (Гудкова 1991: рис. 1, 1, 3, 5, 8, 9; рис. 3, 1). Она по происхождению античная, широко представлена в римских слоях Тиры и Ольвии (Гудкова 1979: рис. 2, 1, 3-5, 7, 9, 10; Гудкова, Крапивина 1988: рис. 1, 1-18; Гудкова, Крапивина 1990: 2-3; Gudkova, Kravivina 1997: 62). В городах эти сосуды залощены и часто имеют линейно-лощенный орнамент снаружи и внутри. Для черняховской культуры такие миски нехарактерны: их находки очень редки, форма упрощена, очевидно, деградирует (Гудкова, Крапи-

вина 1990: табл. 1).

Tun II. Сосуды открытые реберчатые с отогнутым наружу и обычно утолщенным, иногда слабо профилированным венчиком и ребром в верхней трети или даже четверти (рис. 1, 15-29; 3, 7-9). Часто ребро бывает сглаженным и силуэт оказывается более мягким. Профиль таких мисок называют S-видным. В ряде случаев наблюдается утолщение стенки на ребре или над ним. Преобладают неглубокие сосуды. Диаметр венчика в пределах от 18 до 27 см. Изредка встречаются сосуды с диаметром 13-14 см, и совсем редки с диаметром 30 и более см. Черепок серого и черного цвета. Снаружи лощение. Примерно, четвертая часть мисок залощена и внутри. Отдельные экземпляры имеют черное покрытие. Отмечены случаи науглероживания черепка.

На поселении Веселое эти сосуды составляют треть всех мисок. На Мологе они менее распространены. На Козырском городище этот тип мисок представлен сосудами несколько меньшего диаметра (Бураков 1976: табл. VII, 35,

Рис. 2. Биконические миски.
Веселое — 2, 4, 9, 10, 12,
13, 16, 19, 22, 25. Молога
— 1, 3, 5-8, 11, 14, 15, 17,
18, 20, 21, 23, 24.

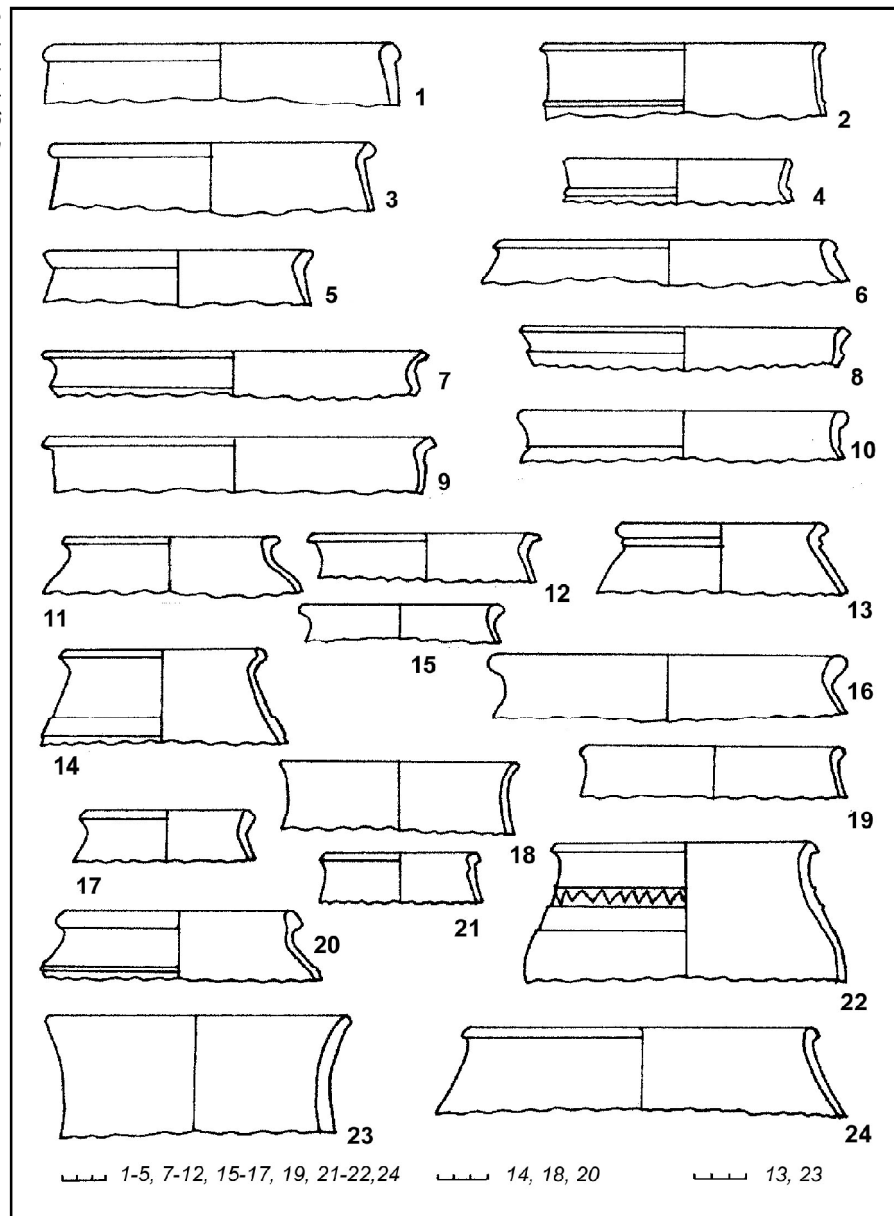
с. 93; Гудкова 1991: рис. 1, 4, 6; рис. 2, 4). Лощение, снаружи и внутри, черное покрытие отмечено у единичных экземпляров.

В Тире и Ольвии миски с S-видным профилем встречаются довольно часто, хотя и уступают по количеству округлым (Гудкова 1979: рис. 2, 11, 17, 18, 20-22; Гудкова, Крапивина 1988: 84, тип 2А; рис. 2, 1, 3, 4; Гудкова, Крапивина 1990: 3-4). Их происхождение в античном керамическом комплексе трудно определить однозначно. В Ольвии еще с архаического времени зафиксирована сходная форма верхней части сосудов (Гудкова, Крапивина 1990: табл. XVIII, 2, 3), но это может быть и формальное сходство. В лепном варианте здесь подобная форма не известна. Пока нельзя с уверенностью сказать, не является ли наличие таких сероглиняных гончарных мисок в римских слоях обоих городов результатом варварского влияния. А основания для этого предположения достаточно весомы. На позднескифских памятниках нижнего Днепра аналогичные по форме лепные миски, лощеные снаружи и изнутри, были ведущей

формой столовой посуды (Петров 1961: табл. II, III, IV; Погребова 1958: рис. 15, 12-14). Они появились здесь с конца III в. до н.э. и особенно широко бытовали во II-I вв. до н.э. (Погребова 1958: 139). Н.Г. Погребова называет, — и не без основания, — эти сосуды мисками зарубинецкого типа и отмечает, что форма не скифского происхождения. Одновременно она указывает на некоторое их отличие от зарубинецких сосудов и допускает латенское влияние. Из двух формально возможных, античного и кельтского, источников распространения этой формы сосудов в варварских культурах Восточной Европы (пояншты-лукашевской, пшеворской, зарубинецкой, у даков) латенский представляется более вероятным. Показательно в этом отношении, что в гончарных мастерских провинции Нижняя Паннония, где активно происходило слияние латенской и античной керамической традиций, такие сосуды делали как в красно- так и в сероглиняном варианте (Bruckner 1981: 91).

В черняховской культуре эта форма мисок обычна. Они всегда залощены только снаружи

Рис. 3. Столовые горшки (1-6, 10-24) и миски (7-8). Веселое — 1, 4, 7-12, 15, 16, 19, 22. Молога — 2, 3, 5, 6, 13, 14, 17, 18, 20, 21, 23, 24.

и не имеют черного покрытия. Э.А. Симонович установил, что, хотя они широко распространены на черняховских памятниках Среднего Днестра, но в Нижнем Поднепровье они более массовы (Симонович 1983: диаграмма на рис. 3). Их появление в черняховской среде он связывал с зарубинецким наследием (Симонович 1983: 30).

Тип III (рис. 1, 1-8). Все сосуды происходят с поселения Веселое. Они открытые реберчатые с развитой верхней частью выше перегиба корпуса. У отдельных экземпляров ребро смазано и сосуды имеют мягкие округлые очертания. Стенки верхней части этих мисок отогнуты наружу, реже поставлены вертикально. В этом случае миска имеет форму, близкую к цилиндрической. Венчик всегда отогнут наружу. Диаметр от 20 до 27 см. Иные размеры единич-

ны. Все сосуды залощены снаружи и, примерно, треть – внутри. Орнамент в виде вертикальных пролощенных линий на тулове зафиксирован один раз (рис. 1, 8). Отдельные сосуды имеют под венчиком или на верхней части тулова ложбинки (рис. 1, 5, 8). Иногда встречается черное покрытие.

В керамике Козырского городища такие миски практически не представлены. Не характерны они и для античных городов Северо-Западного Причерноморья. В черняховской культуре подобные сосуды имели незначительное распространение. По материалам Среднего Поднепровья сосуды наших типов I и II Э.А. Симонович разделил по степени четкости профилировки ребра на три типа и в выделенном им типе 2 присутствуют сосуды, сходные с рассматриваемыми, но их немного (Симонович 1983: 30,

рис. 3). Для степных черняховских памятников такие миски не характерны. Таким образом эта форма остается пока вне территориально близких взаимосвязей.

Туп IV — биконические закрытые миски в основной массе с четким ребром (рис. 2, 1-25). У немногих экземпляров ребро смазано и сосуд имеет более мягкую, округлую форму. Венчик в основном слегка утолщенный, в виде скругленного края стенки, отогнут наружу. Дополнительная профилировка встречается редко. Диаметр венчика равен максимальному диаметру или чаще менее него. Днища, видимо, кольцевые. Диаметр венчика колеблется от 17 до 21,5 см. Сосуды залощены снаружи и по краю венчика внутри. На горловине или на плечиках могут быть оттянутые валики и уступы. Линейно-лощеный орнамент в виде зигзага или косой сетки располагается на нелощеном поле на плечиках (рис. 2, 5, 9, 12, 16, 22, 25).

Аналогичные миски представлены на Козырьском городище и в нижнем, и во втором горизонте (Гудкова 1991: рис. 1, 11; 2, 16, 17, 19, 20, 24). В Ольвии они появляются в небольшом количестве в конце II в., то есть немного позднее, чем на Козырьке. Генетических корней в материалах предшествующего времени в Ольвии эта форма не имеет (Гудкова, Крапивина 1990: 5). В Тире закрытые биконические миски распространяются в позднейшем слое, после готских войн с появлением в степях Причерноморья черняховского населения. Очевидно, здесь существует прямая взаимосвязь.

Биконические миски Мологи и Веселого практически не отличимы от таких же сосудов черняховской культуры, для которой они в высшей степени характерны. Благодаря материалам позднескифских поселений на сельскохозяйственной округе Тире и Ольвии возникновение и комплексное существование этого типа мисок удревняется по сравнению с их бытованием в черняховской культуре в среднем на полтора столетия. В этой связи важно подчеркнуть, что сероглиняные и красноглиняные биконические миски известны в Нижней Паннонии с I в. н. э. (Bruckner 1981: 95, 181) и характеризуются как провинциально-римская форма.

ГОРШКИ

Горшки в измельченных материалах поселений вычлениаются с трудом, ибо венчик и плечики до уровня наибольшего диаметра у них могут быть сходны с закрытыми мисками. Однако существование лощеных столовых горшков не вызывает сомнения. Создается впечатление, что они не были массовы. Ведущая форма — сосуды с несколько округлым раздутым туловом и выпуклыми плечами (рис. 3, 1-6, 10-24). Имеются горшки без шейки (рис. 3, 21, 24) и подражающие лепным формам (рис. 3, 18, 23). Раз-

меры очень разные. Диаметр венчика колеблется от 12 до 22 см. Сосуды покрыты снаружи лощением, сплошным или полосчатым. На плечах бывают валики, уступы, ложбинки и пролощенный зигзагообразный орнамент.

Весьма сходные сосуды в небольшом количестве присутствуют в первом и втором слое Козырки (Гудкова 1991: рис. 1, 15; 2, 10, 11). Небольшое количество таких же горшков известно и в Ольвии (Гудкова, Крапивина 1988: 93; рис. 93; рис. 5, 1, 2, 4, 5, 9, 12, 14; Гудкова, Крапивина 1990: 11). Они тоже лощеные, с валиком и пролощенным орнаментом, но орнамент несколько иной. Иногда они покрыты темным ангобом. В целом эти сосуды продолжают здесь формы более раннего времени (Крапивина 1987: рис. 28, 2-4).

В Тире сероглиняные столовые горшки единичны и крайне фрагментарны. В целом для городов эта форма столовой посуды не характерна. Сопоставление горшков с черняховскими сосудами вполне возможно.

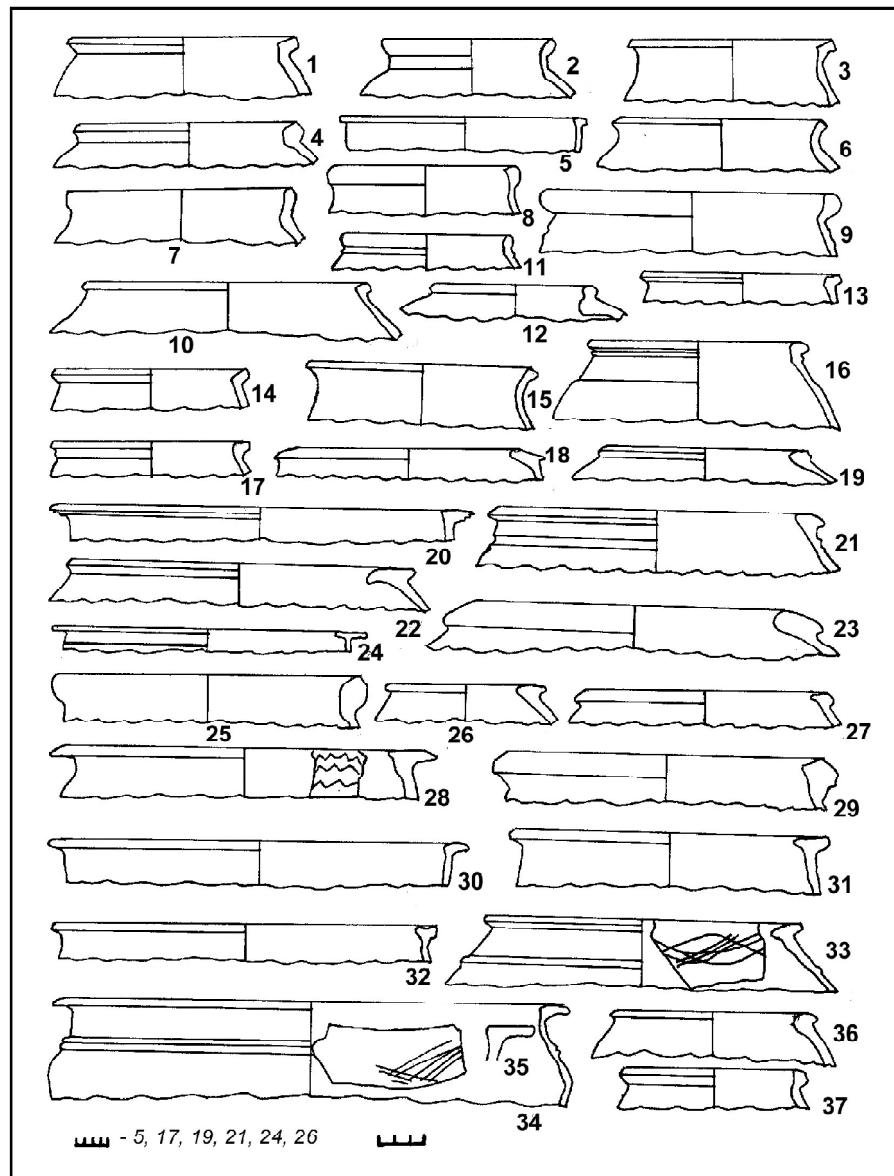
В небольшом количестве встречаются обломки венчиков Т- и Г-образной формы (рис. 4, 20, 22, 24, 30, 32, 33, 36). Они могут принадлежать крупным горшкам, но целых форм не сохранилось. В нижнем слое Козырки такие сосуды не известны, но встречаются во втором. В сероглиняной посуде Тире и Ольвии изредка попадаются сходные обломки (Гудкова, Крапивина 1990: табл. VI). В черняховской культуре такие венчики известны, кроме трехручных ваз, у столовых горшков (Магомедов 1987; рис. 24, 1-3) и мисок (Баран 1981: табл. IV, 1, 2). У всех этих сосудов часто имеется пролощенный орнамент на горизонтальной плоскости венчика. Обломки сосудов из Мологи и Веселого ничем не отличаются от черняховских.

КОРЧАГИ

Корчаги (рис. 4, 18, 19, 21-23, 25-27, 29, 32, 36, 37) по форме являются горшками большого размера. Они предназначены для хранения запасов или специальных процессов (например, заквашивание). Их полная форма пока не известна. Для нее характерно отсутствие шейки. Венчик лежит прямо на плечах. Он массивный, часто наклонен наружу или внутрь и к тому же имеет горизонтальную плоскость. Диаметр устья от 27 до 44 см. Особенностью корчаг Мологи и Веселого является то, что они сделаны из такой же чистой и тонкой глиняной массы, как и вся столовая посуда, часто покрыты снаружи лощением и иногда имеют линейно-лощеный орнамент.

В античных городах такие сосуды не применялись. И в Тире, и в Ольвии встречаются иногда обломки грубоглиняных зерновиков (Гудкова 1979: рис. 8, 17, 21, 23; Гудкова, Крапивина 1988: 95; рис. 5, 10, 11 24-26) в позднейших сло-

Рис. 4. Шероховатые кухонные горшки (1-8, 12-19, 37), корчаги (9, вероятно 10, 18, 19, 21-23, 25-27, 29, 36) и сосуды с Г- и Т-образным венчиком (20, 24, 28, 30-32, 34, 35). Веселое — 18, 20, 21, 23, 28, 31. Молога — 1-17, 19, 22, 24-27, 29, 30, 32-36.

ях времени существования черняховской культуры, с которой они, видимо, и связаны. Поверхность этих сосудов-хранилищ шероховатая. Форма венчика и верхней части сосуда полностью совпадает с верхней частью описываемых корчаг. Происхождение этой формы изделий связано с кельтским гончарством. Она сложилась, видимо, в Среднем Подунавье (Vojovic 1977: tabl. LXVI; LXII; Brukner 1981: tabl. 127, 12; 128, 8, 9.). Они известны в материалах раннеримского времени на поселениях Восточной Словакии (Lamiova-Schmidlova 1969: 462; Abb. 35; Abb. 41, 1-3). Затем они широко распространились на восток (Сымонович 1956: рис. 1) и стали обычными в разных культурах первой половины I тыс. н.э., в том числе и в черняховской. В ней они распространены широчайшим образом, но изготовлены из глины с крупнозернистым отощителем, применявшимся также для выделки массовых кухонных (шероховатых) горшков. Однако

на черняховских поселениях Буджакской степи встречаются экземпляры из чистой и тонкой глиняной массы (Гудкова 1986: 157).

КУВШИНЫ

Кувшины представлены почти исключительно обломками венчиков с верхней частью горловины (рис. 5, 6-32). Их полная форма не восстанавливается. На части наших рисунков ручки не показаны, так как их следы отсутствовали на тех черепках, по которым сделана реконструкция. Сосуды, скорее всего, были только одноручными. Нет ни одной находки двуручных. Ручки прикрепляли верхним концом на горле под венчиком. Они ленточные, в разрезе подпрямоугольные, с продольной ложбинкой или валиком. Судя по обломкам стенок, которые можно отнести к кувшинам, они имели округлое или даже близкое к шаровидному тулово. Видимо,

некоторое распространение имели и реберчатые или биконические формы, но о них трудно судить, так как они представлены обломками только бочков с ребром.

Типологию кувшинов из-за отсутствия археологически целых форм разработать не удалось. Сравнения проводятся в основном по форме венчиков и верхней части горловины. Широко представлены два типа. Первый – это сосуды с венчиком в виде вертикально поставленного скругленного края стенки, иногда слабо расширенного (рис. 5, 8, 9, 13-17, 23-29, 31, 32). Сосуды с такой верхней частью найдены в Тире в слоях римского времени (Гудкова 1979: рис. 6, 1-6, 8) и изредка встречаются в синхронных напластованиях Ольвии (Гудкова, Крапивина 1988: рис. 3, 9). Второй тип — кувшины с характерным несколько по-разному моделированным и резко выраженным валикообразным венчиком, отогнутым наружу (рис. 5, 6, 10, 18, 21). Часто под венчиком имеется четко выраженная ложбинка внутри сосуда. Диаметр устья в основном колеблется от 10 до 16 см. У единичных крупных экземпляров он достигает 30 см. Кувшины с такой профилировкой венчика – характерная форма для римской Тиры (Гудкова 1979: рис. 6, 7; Гудкова, Крапивина 1990: табл. VIII, 4, 5) и в меньшей степени Ольвии (Гудкова, Крапивина 1988: рис. 3, 6, 8). В других керамических комплексах римского времени в Причерноморье они не встречаются.

Самостоятельная группа – кувшины с сильно вогнутой невысокой горловиной (рис. 5, 20, 22). Они подобны сосудам из Тиры (Гудкова 1979: рис. 6, 10), где встречаются довольно редко. Особняком стоят сосуды с очень узким горлом диаметром от 4 до 7 см. Подобные кувшины попадаются изредка в римских слоях Тиры (Гудкова 1979: 109). Имеются редкие кувшины с конически расширяющимся горлом, не отделенным от тулова (рис. 5, 30). Такие сосуды известны в Тире (Гудкова 1979: рис. 5, 3, 4) в римское время. В черняховской культуре это распространенная группа кувшинов, которые Б.В. Магомедов называет кувшинами-кружками и считает, что становление этой формы произошло в результате синтеза сарматского и фракийского влияния (Магомедов 1977: 114-115, рис. 1, 12-14).

На кувшинах применялся линейно-лощенный орнамент, но поскольку он размещался на тулове, а мы оперируем венчиками, он остается мало известным. Орнамент, изображенный на рис. 5, 30. типологически близок узорам на липицких кувшинах (Цигилик 1975: рис. 46, 1-4).

КРУЖКИ

Кружки являются редким видом посуды (рис. 5, 1, 2, возможно, 5). Все они лощеные. В целом формы выглядят индивидуально. Это касается

не только материалов с днестровских поселений, но и тех, что могут быть привлечены в качестве аналогий. Поэтому генезис этой форм посуды пока еще не ясен. Отличительным признаком, по которому можно проводить сопоставление, следует считать очень низкое расположение ребра в нижней трети сосуда у дна. Кружка с этим признаком известна в нижнем слое Козырки (Гудкова 1991: рис. 1, 10). Кружки Ольвии имеют эту же особенность профиля, но они не биконические, а цилиндрические (Гудкова, Крапивина 1990: табл. XI, с. 10, 11) и, скорее всего, не могут быть сопоставлены с кружками с поселения Веселое.

В черняховской культуре кружки во многих случаях биконические с ребром в нижней трети высоты (Корпусова 1971). На степных памятниках (Каборга IV, Беленькое, Холмское, Нерушай) встречаются экземпляры, сходные с описываемыми (Гудкова, Крапивина 1990: табл. XI, 12, 15, 18, 19).

КУБКИ

Кубки встречаются довольно редко. Они имеют форму небольших горшочков (рис. 5, 3, 4). Диаметр венчика 7 или 8 см. Снаружи покрыты лощением. Подобные сосуды известны и в нижнем, и во втором горизонте Козырки. Во втором на них появляется углубленно лощеный орнамент (Гудкова 1991, рис. 1, 2; рис. 2, 6, 14, 15). Для керамического комплекса городов кубки совершенно не характерны. Они, как известно, имеют широчайшее распространение в черняховской культуре. В ней их формы различны. Одна из них – сосуды, подобные маленьким горшочкам.

Отделка поверхности описываемой керамики характеризуется применением лощения. Залачивали внешнюю поверхность сосудов, венчик и его внутренний край. Мисок, залощенных внутри, практически нет. Виды лощения — зеркальное (редко), горизонтальное сплошное, полосчатое (иногда с нарочитыми пропусками). Пролощенный орнамент помещали на nelloщенном поле, ниже и выше которого поверхность сосуда залощена. Лощение наносилось без применения гончарного круга. Ширина рабочей части лощила 1,5-2 мм. Изредка сосуд покрывали темной жидкой глиной и потом залачивали.

Орнамент преобладает линейно-лощенный, изредка линейно-продавленный, в виде зигзагов, волнистой линии, елочки, косой сетки, наклонных линий (рис. 1, 8, 11; 2, 5, 9, 12, 16, 20, 21, 22, 25; 3, 22; 4, 28, 33, 34). Изредка встречаются как бы пучки свисающих на плечах сосуда вертикальных линий, пластичный орнамент в виде косых углублений, вертикальные каннелюры или ребра. Обычной формой декорировки поверхности сосудов являются оттянутые валики и уступы. Они могут ограничивать сверху и снизу полосу орнамента.

В целом отделка поверхности, набор и техника нанесения орнамента оказываются идентичными тому, что свойственно сероглиняной посуде Козырского городища. Сюжеты лощеного орнамента бедны, явно отличаются от ольвийских (Гудкова, Крапивина 1988: рис. 6, 7) и тирских. Сравнение с орнаментацией черняховской культуры показывает, что все приемы отделки поверхности, орнамент и характер его расположения на сосудах Мологи и Веселого обычны для черняховской культуры.

КУХОННАЯ ГРУБОГЛИНЯНАЯ ПОСУДА

Отдельную часть сероглиняной посуды составляют грубоглиняные (шероховатые) горшки (рис. 4, 1-8, 9-17, 37). Глиняная масса этих изделий содержит в значительном количестве крупнозернистый песок, дресву, в небольшом количестве шамот из обломков амфор и серог-

линяных сосудов. Эти примеси делают черепок грубым, но в то же время и огнестойким. Кухонная посуда из такого теста была долговечной. Горшки часто покрыты нагаром и копотью. Целых форм не сохранилось. Судя по обломкам венчиков и плеч, сосуды имели низкую слабо выраженную шейку и выпуклые плечи. Очевидно они были в верхней части округлыми. Профилировка венчика разнообразная. Он, как правило, утолщен и выступает наружу. Внутри на нем бывает ложбинка для крышки. Донья кольцевые, дисковидные, реже сосуды не имеют поддона. Диаметр венчика в основном 12-16 см, иногда до 20-22 см.

Шероховатые горшки Мологи и Веселого однотипны с такими же сосудами Козырского городища (Гудкова 1991, рис. 1, 16-18, рис. 2, 7, 8, 12, 13). Сероглиняная шероховатая кухонная посуда появляется в начале нашей эры в дунайских провинциях. В разных керамических

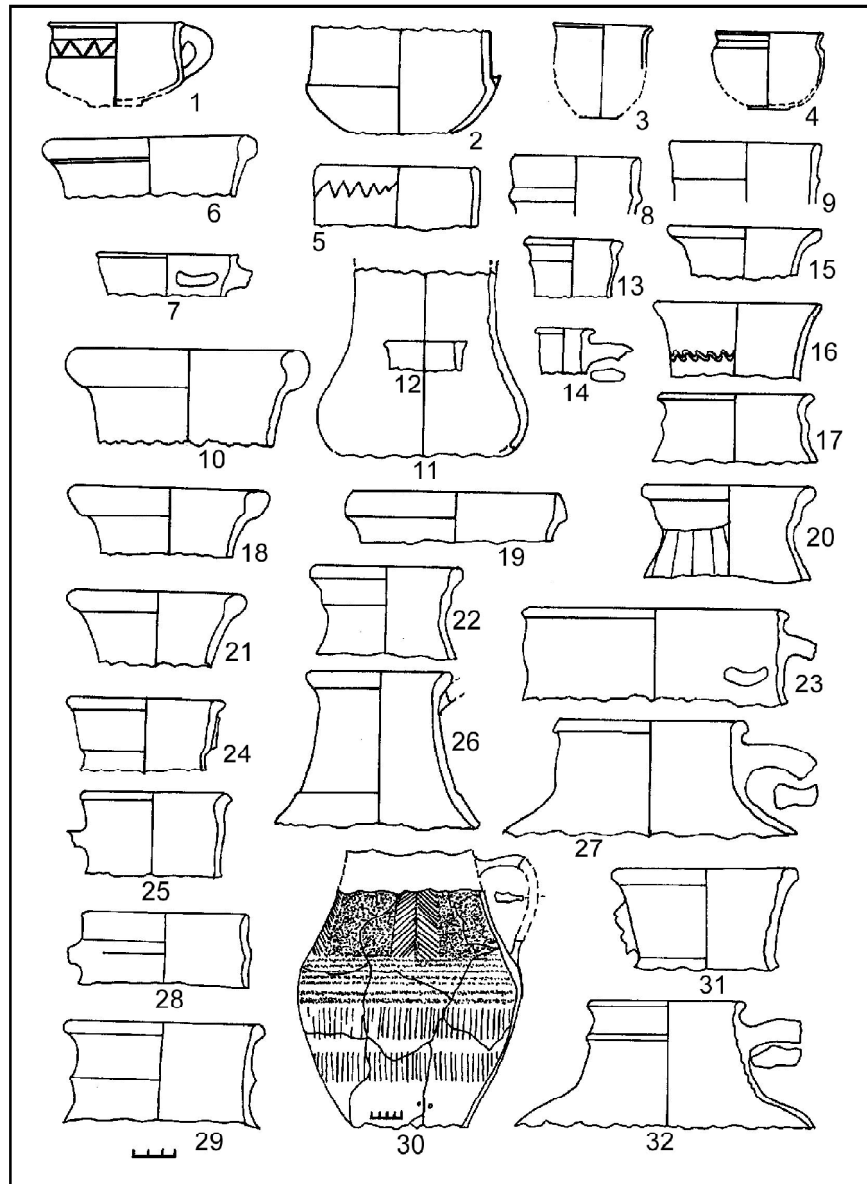

Рис. 5. Кружки (1, 2, 5), кубки (3, 4) и кувшины (6, 8-32). Веселое — 1, 2, 8, 9, 24, 25, 28. Молога — 3-7, 10 — 23, 26, 27, 29 — 32.11

центрах ее облик может иметь некоторое местное своеобразие. Так в Восточной Словакии эта посуда в основном красная, но есть и серая (Lamiova-Schmidlova 1969: 462-463 Abb. 31, 1-7, 9; Abb. 25, 1, 2, 9, 11). Их изготовляли в гончарных мастерских Аквинкума (Росзу 1956, рис. 8, 9, 11) и в центрах Северной Фракии (Sultov 1976; 1985). Тогда же эта керамика появилась в небольшом количестве в Ольвии (Гудкова, Крапивина 1988: 93, 95, рис. 5, 9, 12, 13-16, 19) и Тире. В этих городах она продолжает бытовать, но не становится массовой, в слое, синхронном черняховской культуре. Однако массовой она в городах не стала. Очевидно, эта форма сосудов оказалась очень практичной. В результате шероховатые горшки широчайшим образом распространились в разных культурах римского времени – у даков на севере и западе их территории, в районе Иголомь-Тропишев (Diasconu 1970: 249), культуре подкарпатских курганов, у черняховских племен. Можно высказать предположение, что формы этих сосудов в Мологе и Веселом являются по сравнению с черняховской культурой более ранними. Они характеризуются мягкостью и округлостью формы и массивностью профилировки венчика.

Проведенное сопоставление форм керамики Мологи и Веселого с посудой поселений ольвийской хоры показывает полное типологическое сходство и совпадение приемов отделки поверхности. Важное отличие заключается в том, что на поселениях хоры Ольвии сероглиняная гончарная посуда занимала в керамическом комплексе по своему количеству скромное место. Это касается и шероховатых кухонных горшков. Здесь основная масса столовой и кухонной посуды была античной, скорей всего, ольвийского производства. На поселениях же округа Тире сероглиняная керамика являлась основой керамического комплекса. Для приготовления пищи наряду с шероховатыми сероглиняными горшками широко использовали лепную посуду. На хоре Ольвии она большого значения не имела.

Совершенно очевидно, что сероглиняная керамика сельских поселений отличается от гончарной продукции Тире и Ольвии. В результате становится очевидным, что обнаружено новое явление в эволюции гончарной сероглиняной посуды римского времени в Северо-Западном Причерноморье. Основные признаки рассматриваемой керамики не были результатом развития местного гончарства, хотя налицо некоторые черты связи с керамической традицией в одном регионе – Ольвии, а в другом – Тире. Эта связь проявляется, в первую очередь, в полном господстве форм кувшинов, типичных для античных городов.

Наличие округлых закрытых мисок характеризует античные связи не столь узко, так как их распространение может быть результатом античного влияния более широкого плана, а не

только Тире и Ольвии. Пока еще нельзя сказать, производились ли кувшины и миски типа I на поселениях или же их приобретали на городских базарах вместе с другими изделиями античных гончаров (например, с краснолаковой керамикой, античными кастрюлями и пр.). Однако очевидно, что в целом рассматриваемая керамика, поскольку остальных ее форм в городах нет или же они там редки и не имеют местных истоков, была продукцией сельских мастеров. Это подтверждается и тем, что на Мологе найден керамический брак.

Отсутствие местных истоков сложения рассматриваемой керамики указывает на то, что она оказывается для Северо-Западного Причерноморья привнесенной. Трудно допустить, что это привнесение носило характер распространения моды или заимствования у соседей, тем более, что таких соседей и не было. Очевидно, речь должна идти о появлении новой керамики в результате миграции населения, растворившегося в среде поздних скифов на сельскохозяйственной округе Тире и Ольвии. При этом пришельцы сохранили свои керамические традиции, поскольку уровень гончарства у них был более высоким, чем у позднескифского населения. Сравнение материалов нижнего и второго горизонтов Козырки дает картину постепенного нарастания разнообразия форм и количества сероглиняной керамики. Это свидетельствует о том, что она распространилась относительно постепенно.

Определить направление распространения описываемой керамики позволяют наблюдения над ее количеством на различных поселениях. На Козырке сероглиняная посуда, включая и чисто античные ольвийские формы, составляет всего 3% (Крыжицкий и др. 1989: 184, табл.3). Городище Мыс занимает на ольвийской хоре крайнее западное положение и расположено, примерно, на середине расстояния между Мологой и Козыrkой. Состав его керамического комплекса: амфоры – 50%, красноглиняная и краснолаковая керамика – 1,37%, сероглиняная гончарная посуда – 43,68% (Крыжицкий и др. 1989: 184, табл. 3). В Мологе по материалам раскопок 1975–1976 гг. состав керамического комплекса: амфоры – 66%, красноглиняная и краснолаковая посуда – 3%, сероглиняная – 12%, лепная – 19%. В Веселом количество сероглиняной посуды составляет 35%, а красноглиняной и краснолаковой – 4,3%.

Показательно количество лепной посуды на Мологе, могущее свидетельствовать о сохранении каких-то старых довольно примитивных традиций. В Мологе и Веселом практически нет иной столовой посуды, как сероглиняной. Кроме того, на этих поселениях набор форм разнообразней, чем на хоре Ольвии. Присутствуют, и не в малом количестве, – миски типа III, не известные ни в городах, ни на хоре Ольвии. Ближайшие аналогии им обнаруживаются в культу-

ре карпатских курганов (Вакуленко 1977: 26, тип I, табл. XIV, 16, 19). Далее на запад такая форма мисок известна в пшеворской культуре (Dobrzanska 1980: гус. 8, a, b, c, e, g).

Корчаги, так, видимо, и не давшие прижиться в Мологе и Веселом античным пифосам, связаны с латенскими керамическими традициями, усвоенными в дакийской среде, и не только на нижнем Дунае. Кубки в виде маленьких горшочков характерны для пшеворской культуры (Dobrzanska 1980: гус. 13). Источником массового распространения в Мологе и Веселом шероховатых кухонных горшков никак не могла быть Тира, ибо в ее керамике они не занимают заметного места. Судя по всей археологической и исторической ситуации первых веков нашей эры, они могли проникнуть в Северо-Западное Причерноморье из Дунайских провинций в обход Карпат с севера. На такую возможность указывает уже отмеченное выше их распространение в Восточной Словакии и в культуре карпатских курганов, особенно на поселениях в Глубоком, Волосове и в гончарных мастерских Печенижена (Вакуленко 1977: 28), относящихся по археомагнитному анализу к середине III в. (Вакуленко 1977: 69). В этой культуре имеются указания на связи с Восточной Словакией: часть шероховатой керамики, так называемая посыпная, находит себе аналогию только в этом районе на поселении в Себастовицах Барках.

Сосуды с Г- и Т-образным венчиком не связаны своим происхождением ни с Тирой, ни с Ольвией, для керамики которых они не характерны. В то же время они широко представлены на мисках, вазах и горшках в регионах, расположенных на северо-запад от степей Северо-Западного Причерноморья. Они присутствуют в керамике культуры карпатских курганов на мисках, столовых горшках и вазах (Вакуленко 1977: табл. VIII, 7; IX, 31; X, 14). На тех же формах сосудов они известны и у карпов (Vichir 1973: pl. LXIII, LXIV, 1, 3, 6; CII и др.). Вазы с таким венчиком представлены и в культуре карпатских курганов (Вакуленко 1977: 26, табл. XV).

ЛИТЕРАТУРА

- Баран В.Д. 1981. Черняхівська культура за матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ.
- Буйских С.Б., Бураков А.В. 1977. Античне городище на мису між Березанським і Сосицьким лиманами. Археологія. Вип. 22.
- Бураков А.В. 1976. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев.
- Вакуленко Л.В. 1977. Пам'ятки підгір'я українських Карпат першої половини I тисячоліття н.е. Київ.
- Гудкова А.В. 1979. Классификация сероглиняной столовой керамики Тире II-IV вв. н.э. // Античная Тира и средневековый Белгород. Киев.
- Гудкова А.В. 1986. Об одном типе каменных домов на причерноморских черняховских поселениях // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Гудкова А.В. 1991. Сероглиняная керамика Козырского городища // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон.
- Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1988. Сероглиняная гончарная керамика Ольвии первых веков нашей эры // Античные древности Северного Причерноморья. Киев.
- Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1990. Сероглиняная керамика Тире, Ольвии и памятников черняховской культуры. Препринт. Киев.
- Корпусова В.М. 1971. Біконічні посудини перших століть нашої ери з Причерномор'я. Археологія. — № 3.
- Крапивина В.В. 1987. Простая столовая керамика // Ольвия и ее окрестности в архаическое время. К.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. 1989. Сельская округа Ольвии. Киев.

- Магомедов Б.В. 1977. О происхождении форм черняховской гончарной керамики // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев.
- Магомедов Б.В. 1987. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Петров В.П. 1961. До питання про ліпну кераміку з городищ Нижнього Подніпров'я II ст. до н.э. — II ст. н.э. // АП УРСР. — Т. 10. Київ.
- Погребова Н.Н. 1958. Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА. № 64.
- Сымонович Э.А. 1956. Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры // СА. Т. — XXVI. — М.
- Сымонович Э.А. 1983. Черняхівська кераміка Подніпров'я // Археологія. № 43. Київ.
- Bichir Gh. 1973. Cultura carpică. București.
- Bojovic D. 1977. Rimska keramika Singidunuma. Beograd.
- Brukner O. 1951. Rimska keramika u jugoslovenskom delu provincije donje Panonije. Beograd.
- Gudkova A.V., Krapivina V.V. 1997. Grautonige scheidengedrehte Keramik aus Tyras, Olbia und Tschernjachow-Kultur. Vergleichende Analyse // *Il Mare Nero*. II – 1995/96. Roma-Paris.
- Diaconu Gh. 1970. Über die Scheibengedrehte Keramik in der Sîntana de Mureș-Tschernjachow-Kultur // Dacia. T. XIV. București.
- Dobrzanska H. 1980. Zagadnienie datowania ceramiki toczzonej w kulturze przeworskiej // *Archeologia Polski*. T. XXIV. — Z. I.
- Lamiová-Schmiedlova M. 1969. Römerzeitliche Siedlungskeramik in der Südostslowakei // *Slovenska Archologia*. T. 17.
- Poczy Cz. K. 1956. Töpferwerkstätten von Aquincum // *Acta Archaeologica*. T. VII. — F.I. Budapest.
- Sultov B. 1976. Ancient Pottery Centres in Moesia Inferior. Sofia.
- Sultov B. 1985. Ceramic Production on the Territory of Nicopolis and Istrum (II-nd – IV century) // *Terra antiqua Balcanica*. T.I. — Sofia.